

К вопросу о методике анализа лингвокультурного концепта в художественном тексте

М. И. Жадлун

ГУ «Днепропетровская медицинская академия МЗ Украины»
Corresponding author. E-mail: ritazhadlun@gmail.com

Paper received 11.04.19; Accepted for publication 19.04.19.

<https://doi.org/10.31174/SEND-Ph2019-194VII58-19>

Аннотация. В статье предложена методика анализа лингвокультурного концепта в художественном тексте. Применение данной методики к описанию концепта «вода» в поэтических текстах М. Цветаевой позволило представить его структуру, включающую понятийную (мифологические, народные, этимологические, лексикографические сведения о воде), ценностную (значимость анализируемого концепта для личности М. Цветаевой) и образную (перцептивные и образно-метафорические характеристики водной стихии) стороны концепта, проследив тем самым его «путь» по направлению от национальной русской культуры к индивидуальному сознанию автора.

Ключевые слова: концепт, лингвокультурологический анализ, картина мира, концепт «вода», М. Цветаева.

Лингвокультурологический подход к анализу художественного текста предполагает детальное изучение индивидуально-авторской картины мира конкретного народа с последующим выделением наиболее значимых концептов «как элементов национальной лингвокультуры в их связи с национальными ценностями и национальными особенностями культуры» [14, с. 12] и, как следствие, – выход на концептосферу поэта (писателя).

Сторонниками подобного подхода «от языка к культуре» принято считать Н. Ф. Алефиренко, С. Г. Воркачеву, В. И. Карасика, В. В. Красных, Г. Г. Слышкина и др.

Упомянутые лингвокультурологи определяют концепт ментальным образованием [11, с. 59], которое «принадлежит сознанию, детерминируется культурой и опредмечивается в языке» [15, с. 34]. Ключевое внимание учёные уделяют культурологическому аспекту, раскрытию ценностной и образной сторон того или иного концепта. По их мнению, вся культура понимается как совокупность концептов и отношений между ними.

И если проблема выделения лингвокультурного концепта, определения его особенностей и отличительных признаков решена [10; 16; 2], то четко разработанной единой методики анализа структуры и содержания лингвокультурных концептов в настоящий момент не существует.

В научных работах, посвященных исследованию концептов, применяются как общенаучные методы (наблюдение, описание, эксперимент, моделирование и др.), так и общелингвистические (дистрибутивный, доминантный, лингвокультурологический, концептуальный, контекстуальный, семиотический анализ, метод поля и др.).

Вследствие лингвокультурологической направленности данной статьи правомочно остановиться на методах исследования концептов, которые применяются в лингвокультурологии.

Количественный анализ. Количественный подсчет, а также сплошная либо частичная выборка применяются в исследованиях культурных концептов. По Н. Ю. Караулову, «частотность не есть прямой показатель ценностно-смысловой ориентации текста (и его автора)» [12, с. 45], но все же повторяемость концеп-

тов свидетельствует о степени их актуальности, к примеру, в рамках идиостилей писателей и поэтов это, по мнению Н. С. Болотновой, «даёт возможность выявить концептосферу автора и ядерную часть лексикона» [4, с. 418].

Концептуальный анализ представляет собой «метод исследования, предполагающий выявление концептов, моделирование их на основе концептуальной общности средств их лексической репрезентации в узусе и тексте и изучение концептов как единиц концептуальной картины мира языковой личности автора, стоящего за текстом» [4, с. 464].

Лингвокультурологический анализ. В качестве примера можно привести алгоритм, предложенный О. И. Ипановой [9, с. 149–150], включающий в себя этимологический анализ слова-имени концепта, исследование словарных дефиниций слова-имени концепта, анализ словообразовательной парадигмы анализируемого концепта, анализ его метафорической сочетаемости, соотнесение концепта с другими концептами концептосферы языка, выявление национально-культурного значения концепта, проведение ассоциативного эксперимента.

Семиотический анализ. В основе семиотического метода лежит подход к языку и тексту как к знаковой системе. Ю. С. Степанов предлагает применять семиотический метод при исследовании становлений культурных концептов. Ученый рассматривает концепт как трехмерное «слоистое» образование, выделяя при этом: 1) основной, актуальный признак, существующий для всех и включенный в мыслительные структуры в общении; 2) дополнительный, неактуальный признак; 3) внутреннюю форму, отраженную в словесной, внешней форме и существующую только для исследователей [18, с. 46].

Перечисление методов, которые применяются в лингвокультурологии, возможно продолжить, потому как лингвокультурология «пересекается» со смежными научными дисциплинами: когнитивной лингвистикой, культурологией, этнолингвистикой, лингвострановедением.

Опираясь на уже существующие методы анализа лингвокультурного концепта, мы задались целью представить собственный алгоритм выявления смыслового объема концепта в художественном тексте.

Исследование художественного текста с точки зрения его концептуальной природы кажется нам перспективным для описания языковых и образных средств авторской репрезентации концепта, т. е. личного опыта концептоносителя, с последующим его сопоставлением с бытованием концепта в языковой картине мира в целом, т. е. уже с коллективным опытом народа.

В ходе анализа концепта мы придерживаемся точки зрения В. И. Карасика, в соответствии с которой концепт является трехмерным ментальным образованием и имеет три важнейших измерения – понятийное, образное и ценностное [11, с. 154].

Основываясь на вышесказанном, предложим следующие этапы лингвокультурного анализа концепта в художественном тексте:

1. Определение места и содержания того или иного концепта в языковой картине мира на основании мифологических и перемиологических сведений.

2. Этимологический анализ лексемы, называющей концепт. Обращение к этимологии необходимо, чтобы установить первоисток слова.

3. Лексикографический анализ. Обращение к толковым словарям уместно для более полной характеристики содержания имени концепта.

4. Поиск взаимосвязи анализируемого концепта с другими концептами культуры.

Реализация 1, 2, 3 и 4 этапов предполагает выявление семантических признаков номинации концепта и, как следствие, позволяет представить понятийный компонент исследуемого концепта.

Привлечение мифологических и перемиологических сведений в ходе анализа концепта противоречит определению понятийной составляющей, сформулированному В. И. Карасиком [11, с. 154], но, на наш взгляд, является целесообразным, потому как концепт в художественном тексте представляет собой «творческую» единицу с множеством семантических пластов, в том числе мифологического, перемиологического и др. характера.

5. Приём выборки. Методом сплошной выборки из художественного произведения извлекаются все контексты с лексемой, называющей концепт, а также её репрезентанты. Интерпретация собранного материала позволит описать и структурировать концепт.

6. Контекстный анализ. Концепт и его репрезентанты анализируются в составе художественной картины мира автора с целью выявления его ценностных и образных характеристик.

Следует отметить, что учет автобиографических сведений, принадлежность к определенной литературной традиции поэта являются факультативными, но не менее информативными, в случае, если поэзия отличается высокой степенью автобиографичности.

Продемонстрируем применение предложенного алгоритма.

1. В рамках современной научной парадигмы (работы Ю. С. Степанова, В. А. Масловой, А. Я. Гуревича, В. И. Карасика, Г. Г. Слышкина и др.) концепт «вода» признан константой русской культуры, отнесён к тематическому полю «природа» и к универсальным, ключевым категориям культуры, принадлежащим сознанию всего человечества.

Славянская мифология представляет воду первоначалом, соотносит с первобытным хаосом [1, с. 240] и с бессознательным [23, с. 138], отождествляет с огнем, ассоциирует с кровью, смертью, потусторонним миром [13, с. 76], считает средой обитания нечистой силы и душ умерших людей [5, с. 386]. В противоположность этим характеристикам, вода связана с женским началом, символизирует рождение и жизнь, как текучая жидкость сравнивается с речью [13, с. 76], наделена сакральными и магическими свойствами, почитаема и олицетворяема древними людьми [3, с. 294].

Перемиологический фонд русского языка фиксирует божественное происхождение воды (*Божья вода по божьей земле бежит* [6, с. 23]), её отождествление с бедой (*Где вода, там беда. От воды всегда жди беды* [7, с. 340]) и огнем (*С огнем, с водой не поспоришь* [7, с. 340]), возведение в ранг одного из жизненно важных компонентов пищи (*Хлеб да вода – блаженная еда* [7, с. 255]), существование в двух видах (*Есть и живая и мертвая вода, да не про нас* [6, с. 186]), уважительное (*Плевать на воду – все равно что матери в глаза* [7, с. 352]) и настороженное (*Не спросиши броду, не суйся в воду!* [7, с. 144]) к ней отношение со стороны русского человека, использование в гадании (*Как в воду глядишь и кажется* [7, с. 374]), крещении (*С Нового году всех в воду* [7, с. 210]) и заговорах (*Как чужую беду я водой разведу* [7, с. 98]), способность прогнозировать погоду и качество урожая (*Сухой март, а май мокрый делают хлеб добрый* [7, с. 340]), а также характеризовать самого человека (*На нем хоть воду вози* [6, с. 309]).

Мифологические и наивные представления о воде иллюстрируют её двойственную символику.

2. Обращение к этимологическому словарю русского языка позволяет получить следующую информацию: «Вода – сюда же вода, укр., блр. вода, др.-русс., ст.-слав. вода ѿдор (Супр.), болг. вода, сербохорв. вода, словен. vóda, чеш. voda, словц. voda, польск. woda, в.-луж., н.-луж. woda. Древние ступени чередования представлены в ведрó, вѣдра. Родственно лит. vanduo, род. п. vandėns, жем. unduo, д.-в.-н. wazzag "вода", гот. watō, греч. ὕδωρ, ὕδατος, арм. get "река", фриг. βέδω, др.-инд. udakám, uda-, udán- "вода", upátī "бить ключом", "орошать", ḍdman- ср. р. "поток", алб. uj "вода"; носовой согласный в лат. unda "волна" и лит. vanduo вторичного происхождения» [19, с. 330].

Как видно из материалов «Словаря» М. Фасмера, первоисток слова достаточно разнообразен, однако он не выходит за рамки своей «водной» стихии.

3. В толковом словаре под редакцией С. А. Кузнецова [17, с. 84] отмечаются следующие значения лексемы «вода»:

а) прозрачная, бесцветная жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода с кислородом; // с *опр.* Водный раствор каких-либо веществ, применяемый в лечебных косметических целях или как напиток; // Пустые, бессодержательные фразы, многословие при бедности содержания.

б) *только во мн.*: воды, вод. Минеральные источники. Курорт с такими источниками.

в) водное пространство моря, реки и т. п., его по-

верхность, уровень; // *только мн.* Водная масса моря, реки и т. п., ее потоки, струи, волны; // *только мн.* Водные пространства, участки морей, проливы и т. п.

г) чистота окраски, блеска, прозрачности драгоценного камня.

д) *только мн. Разг.* Жидкость, окружающая плод в течение беременности.

Помимо указанных толкований, в словаре Т. Ф. Ефремовой [8] «вода» определяется также как:

е) жидкость, используемая для утоления жажды, приготовления пищи и т. п.

ё) напиток минеральный, газированный или фруктовый, применяемый в качестве питья или с гигиенической, лечебной целью.

ж) *перен. разг.* То, что недостаточно ценится и поэтому легко тратится, расходуется (обычно о деньгах).

з) *перен. разг.* Слезы.

Словарные толкования лексемы «вода» свидетельствует о том, что последняя является многозначной и обладает сложной семантической структурой.

4. Будучи частью концептосферы языка, концепты взаимодействуют друг с другом.

Ю. С. Степанов в «Словаре русской культуры» дает характеристику «воды» не обособленно, а параллельно с концептом «огонь», объясняя это тем, что «нет одного огня и одной воды, а есть «два огня» – «живой» и «мертвый», есть «две воды» – «живая» и «мертвая» [18, с. 295].

Семантическая гипотеза Ю. С. Степанова гласит, что «живая вода и мертвая – равно вода, одно и то же начало, в двух своих ипостасях-явлениях: *живая вода* – вода на пути из высшего мира вниз, на землю; *мертвая вода* – вода на пути из земного мира вон. ... она гонит зиму – смерть, но как бы не до конца; она соединяет и целит мертвое тело, не оживляя его» [18, с. 299–300].

Подобное ученый говорит и об огне: «живой огонь – огонь на пути с небес вниз, наделенный живой, творческой силой, работающий огонь. Ему противопоставлен отработавший огонь, не мертвый, но и не живой, как первый; огонь, утративший свою творческую силу, уходящий из земного мира вон, уже не способен творить, но способный разрушать, вредить» [18, с. 300].

5. Применение метода сплошной выборки показало, что в поэтических текстах М. Цветаевой концепт «вода» лексически объективируется номинацией *вода*, нарицательными именами существительными, называющими: естественные и искусственные водоемы и их части (*море, океан, река, ручей, озеро, пруд, залив*), формы движения воды (*волна, поток, струя, прибой, прилив, пена, течение, брызги, всплеск, водоворот, водораздел*), природные явления (*дождь, ливень, туча, гроза*), собственными именами, а именно гидронимами (*Волга, Дон, Ильмень, Каспий, Москва-река, Нева, Нил, Ока, Сена, Стикс, Атлантический океан*), а также глаголами со значением: движение воды (*течь, литься, струиться, брызгать, капать*), действия, производимые в воде (*плавать, тонуть, топить, крестить*), действия, производимые с водой (*лить, пить, подогреть*).

Репрезентация концепта «вода» в поэзии

М. Цветаевой разнообразна и практически полностью отражает представленность данного концепта в русской языковой картине мира.

6. Ценностная составляющая концепта «вода» в творчестве М. Цветаевой реализуется посредством таких оппозиций, как:

– «вода – жизнь» (*Текут реки, катятся, / Растут дети – старятся*) [22, с. 312] – движение рек отождествляется с течением жизни; «*Тише, тише, тише, век мой громкий! / За меня потоки – и потомки*» [21, с. 294] – отождествление потоков воды и потоков основано, по всей видимости, на совпадении изображения бассейнов рек на географической карте с изображением генеалогического древа семьи),

– «вода – смерть» («*Глубоки моря! / Ворочайся вспять! / Зачем рыбам – зря / Красоту швырять?*» [20, с. 544] – отрывок посвящен морям, поэт предупреждает их о могуществе и коварстве водной стихии; «*Когда ж в пруду она исчезла / И успокоилась вода / Он понял – жестом злого жезла / Ее колдун увлек туда*» [20, с. 24] – самоубийство матери описано глазами ребенка, который представляет, что демоническое существо увлекло в воду женщину),

– «вода – время» («*По Оке минувшее плывет*» [20, с. 162] – река является символом необратимого потока времени; «*Там растила сына я, / И текли – вода? / Дни? Или гусиные / Белые стада?...*» [21, с. 248] – вода неизбежно утекает, как и утекают дни; «*Море – седей времени*» [21, с. 243] – образное сравнение, вероятно, включает в себя идею того, что вода – первостихия, исходное состояние всего сущего),

– «вода – сакральная стихия» («*Благодарю, о Господь, / За Океан и за Сушу*» [20, с. 441] – вода – стихия, сотворенная Богом; «*Марий годовалых! / В шестикнижие крыл / Окунающий лик как в воду – Гавриил*» [20, с. 168] – вода – основной атрибут таинства крещения; «*Воды не перетеплил / В чану, зазнобил – как надобно – / Тот поп, что меня крестил. / В ковше плоскодонном свадебном /.../ На трудное дело брачное*» [21, с. 252] – вода как атрибут венчания; «*Кинь-ка в воду обручальное кольцо / Покатай по белой грудке – яйцо / От бессонницы, от речи сладкой, / От змеи, от лихорадки, / От подружкина совета, от лихого человека*» [20, с. 349] – вода как элемент ритуального действия).

Таким образом, в идиолекте М. Цветаевой концепт «вода», вступая в оппозиции с другими константами русской культуры, является ценным не только как таковой, но и в совокупности с другими концептами («жизнь», «смерть», «время», «святость»), иными словами, в авторской картине мира Цветаевой концепт «вода» соотносится с другими не менее значимыми концептами.

Образная составляющая концепта «вода» в поэзии М. Цветаевой реализуется с помощью эмоционально-чувственных признаков:

– цветовой характеристика («*Озерная блеснула си-нева*» [20, с. 314], «*В час прибоя / Голубое / Море станет серым*» [20, с. 540], «*Ждет тебя моря волна изумрудная*» [20, с. 34], «*Мы на даче: за лугом Ока серебрится*» [20, с. 116], «*Среди диких моряков – простых рыбаков / ... / Бела пена нам – полог, / Бела пена нам – перинка, / Бела пена нам – подушка, / Бела*

пена – пуховик» [20, с. 542], «Над черною пучиной водною – / Последний звон.» [20, с. 430]).

Цветовая палитра водной стихии в идиостиле М. Цветаевой имеет достаточно прозрачную мотивированность, но это не умаляет важности выделения данной зрительной характеристики воды, так как она является одним из значимых компонентов образной составляющей концепта, обогащая его дополнительной семантической нагрузкой.

– звуковая характеристика («Скажет мне море: – Всех слез моих плакать – не хватит!» [20, с. 572], «На поляне хижина-игрушка / Мирно спит под шепчущий ручей» [20, с. 41], «Фонтана в бассейне лепечут струи» [21, с. 53], «Взвыла Волга, / Ходит грозно» [21, с. 229]).

Используя звуковые характеристики концепта «вода», М. Цветаева олицетворяет воду, наделяя ее качествами человека (способность говорить, шептать, лепетать) и животного (способность выть).

Кроме того, водная стихия у поэта наделена характером. С одной стороны, вода тихая, спокойная («Атлантический путь тихий» [21, с. 147], «Камень, кинутый в тихий пруд, / Всхлипнет» [20, с. 288]), а с другой, – находящаяся в постоянном движении, буйная, шумная («Журчат водопады» [20, с. 152], «Слышишь всплески? Это Сена!» [20, с. 28]). Все это свидетельствует о двойственности водной стихии, что подтверждает её амбивалентность, зафиксированную паремиологическим фондом русского языка.

– тактильная характеристика отражает естественные физические свойства воды, в частности, ее температурные показатели («Крестил – кто меня крестил / Водю неподогретою / Речною, – ...» [21, с. 253], «Поток воды холодной / Колодезной у рта» [21, с. 341], «Вставал чтоб правую ногой, / Чтоб мылся холодной водой» [22, с. 213], «Воды не перетеплил / В чану, зазнобил – как надобно» [21, с. 253]). Как видно из приведенных примеров, вода у Цветаевой «холодная», «неподогретая», она не имеет температурных оппозиций «теплая», «горячая».

– обонятельная характеристика концепта «вода» передается не прямо, а опосредованно, благодаря запаху волос лирической героини («И зачем мне знать, что пахнуло – Нилом / от моих волос?» [20, с. 336], запаху Англии как морской державы («Пахнуло Англией – и морем – / И доблестью. – Суров и статен. / – Так, связываясь с новым горем, / Смеюсь, как юнга на канате / Смеется в час великой бури» [20, с. 522] – через запах моря дается имплицитная характеристика Англии, подчеркивается ее территориальная связь с морем, с морскими профессиями).

– пространственная характеристика концепта «вода» в поэзии М. Цветаевой реализуется в виде обобщенного описания, которое с помощью лексем «река», «море», «океан», «волны» дает представление об огромных территориях, занятых водой («...И рекой, разошедшейся на две, / Чтобы остров создать – и обнять» [20, с. 40], «Раз – дался вал: / Целое море – на два» [21, с. 193], «И между нами – океан, / И весь твой лондонский туман» [20, с. 312], «На простор синих волн – / Толк – Царевичев челн!» [22, с. 214]), а также конкретного, создаваемого собственными име-

нами, которые выполняют функцию ориентира в пространстве («Поднялся бы звон по Москве-реке...» [20, с. 114], «Рулевой зарею правил / Вниз по Волге-реке» [20, с. 106], «От Ильмена – до вод Каспийских» [21, с. 9], «Поклон от меня Неве» [20, с. 303], «Здесь, в Париже, где катится Сена, / Я с тобою, как там на Оке» [20, с. 26], «Где вы были? / На Дону!» [20, с. 390].

– вкусовая характеристика концепта «вода» в поэзии М. Цветаевой воплощается в значении жизненно важного для человека напитка, утоляющего жажду («Стакан воды во время жажды жгучей: / – Дай – или я умру! – / Настойчиво – расслабленно – невуче – / Как жалоба в жару – / Все повторяю я» [20, с. 548], «Вот он – гляди – уставший от чужбин, / ... Вот – горстью пьет из горной быстрины» [20, с. 294]), и как то, что что является обыденным, постоянно используемым в домашнем хозяйстве, поэтому не представляющим особую ценность («Барин, кушать!» «Что еда! / Блюдо вечно блюдо / И вода всегда вода. / Что еда ему, когда / Ожидает чудо?» [20, с. 117]).

Следовательно, можно говорить об оппозиции «важное» / «неважное».

Упомянутые эмоционально-чувственные характеристики концепта «вода» показали, насколько развито и многообразно перцептивное восприятие Цветаевой как концептоносителя.

Помимо эмоционально-чувственных характеристик концепт «вода» в поэтической картине мира М. Цветаевой обладает образно-метафорическими, среди которых можно выделить сравнения («Слова твои льются, учаством согреты, / Слова твои струи, вскипают и льются» [20, с. 92] – здесь использовано универсальное аналоговое сравнение льющейся речи и льющейся воды, «Как змейки быстро зазмеются / Все ручейки вдоль грязных улицев» [20, с. 35] – быстрое течение ручьев напоминает передвижение змей, кроме того, они схожи по внешнему виду – продолговатые, тонкие, длинные, «Море синее вдали, как огромный сапфир» [20, с. 94] – синева моря сопоставляется с цветом драгоценного камня, «Магической силой руки / По клавишам – уже летят! / Гремят вскипающие звуки, / Как водопад» [22, с. 12] – издаваемые роялем звуки схожи с шумом (журчанием) водопада).

Приведенные стихотворные отрывки из поэзии М. Цветаевой показали, что в основе сравнения репрезентантов концепта («ручейки», «море») с предметами и явлениями окружающей действительности и, наоборот, сопоставления различных предметов, явлений со «струями», «водопадом» лежат определенные признаки и основания (движение, цвет, звук).

Помимо сравнений М. Цветаева использует также метафорические переносы.

Так, автор сопоставляет волосы (прическу) с волнами («В волнах прически темной – ты» [20, с. 31], «Напрасен водоворот волос / Над темным профилем инородца» [20, с. 244]), ливнем («Я был бос, а ты меня обула / Ливнями волос – / И – слез» [21, с. 221]), а основанием для метафорического переноса являются такие их свойства, как волнообразность, рельефность, объемность.

Кроме этого, поэт сравнивает гриву с дождем

(«...Бежим, зарываясь в гриву дождя» [2, с. 232], «Частой гривой / Дождь в глаза» [22, с. 47]) по признаку «текучести» обоих (длинные волосы струятся, как и вода). Значимым в первом примере является деепричастие «зарываясь», так как вместе со словом грива (оттенок значения – «густые длинные волосы человека» [17, с. 142]) оно указывает на то, что дождь очень сильный, как бы густой.

С точки зрения метафоры примечательны репрезентанты «море», «водопад», «река», «пена», объединенные в идиолекте поэта общей семантикой множественности в значении чего-то огромного, необъятного, значительного по величине и силе: «море гула» («Затерялся в море гула / Крик, тебе с душою разорвавший грудь» [20, с. 175]), «водопад щепня» («Глобус? Сбит. Ранец? Снят. / Щепня, щепня водопад! / Всплески! Всплески!» [3, с. 103]), «реки света» («Реки света струятся зигзагами...» [20, с. 23]), «пена фонтаном» («За окнами пышная пена / За фонтаном фонтан рассыпала» [20, с. 120]).

В целом можно утверждать, что лексемы «водной» семантики широко используются М. Цветаевой, что способствует реализации образно-метафорической составляющей образного компонента концепта «вода» и его репрезентантов.

Пройдя этапы лингвокультурологического анализа концепта «вода», изучив его бытование в мифологии, паремииологии, и особенно в идиолекте М. Цветаевой, можно подтвердить бытующее мнение о том, что вода является одним из ключевых концептов русской культуры.

Применение методики лингвокультурологического анализа концептов в художественном тексте к описанию концепта «вода» в поэтической картине мира М. Цветаевой показало, что данный концепт семантически многообразен, с одной стороны, автор репрезентирует ценностные смыслы, многовековые наивные представления русского человека о воде, а с другой, – обогащает традиционные знания собственным отличительным видением, что проявляется в индивидуальной метафорике, перцептивном восприятии водной стихии поэтом.

Нам представляется, что данная методика может быть использована при анализе других концептов как в поэтической картине мира М. Цветаевой, так и любого другого писателя/поэта, для выявления индивидуально-авторских составляющих конкретного концепта, а они в совокупности будут способствовать расширению содержания того или иного концепта в русской языковой картине мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С. С. Вода / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира: энциклопедия в 2 т. / Гл. ред. С. А. Токарев. – М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 240.
2. Алефиренко Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка: учебное пособие / Н. Ф. Алефиренко. – М.: Флинта: Наука, 2010. – С. 171–174.
3. Афанасьев А. Н. Мифология Руси / А. Н. Афанасьев. – М.: Изд-во Эксмо, 2006. – 608 с.
4. Болотнова Н. С. Филологический анализ текста: учеб. пособие / Н. С. Болотнова. – 4-е изд. – М.: Флинта : Наука, 2009, с. 520.
5. Виноградова Л. Н. Вода / Виноградова Л. Н. // Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5 т. / Под ред. Н. И. Толстого. М.: «Международные отношения», 1995. – Т. 1. – С. 386.
6. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2-х т. / В. И. Даль. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 1. – 383 с.
7. Даль В. И. Пословицы русского народа: Сборник: В 2-х т. / В. И. Даль. – М.: Худож. лит., 1984. – Т. 2. – 399 с.
8. Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Ефремова Т. Ф. // Режим доступа: <https://www.efremova.info/word/voda.html#.W1oJl9IzbIU> (01.03.2019).
9. Ипанова О. И. Жизнь // О. И. Ипанова // Антология концептов. / Под ред. В. И. Карасика, И. А. Стернина – Волгоград: Парадигма, 2005. – Т. 2. – 356 с.
10. Карасик В. И. Лингвокультурный концепт как единица исследования / В. И. Карасик, Г. Г. Слышкин // Методологические проблемы когнитивной лингвистики: сб. науч. тр. / Под ред. И. А. Стернина – Воронеж: ВГУ, 2001. – С. 75–80.
11. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс : монография / В. И. Карасик. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
12. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность / Ю. Н. Караулов. – М.: Наука, 1987. – 263 с.
13. Маковский М. М. Сравнительный словарь мифологической символики в индоевропейских языках: Образ мира и миры образов / М. М. Маковский – М.: Гуманит. изд. центр Владос, 1996. – 416 с.
14. Попова З. Д. Когнитивная лингвистика / З. Д., Попова, И. А. Стернин. – М.: АСТ: Восток-Запад, 2007. – 227 с.
15. Слышкин Г. Г. Концептологический анализ институционального дискурса / Г. Г. Слышкин // Филология и культура. – Волгоград, 2000. – С. 34–36.
16. Слышкин Г. Г. Лингвокультурный концепт как системное образование / Г. Г. Слышкин // Вестник ВГУ, Серия «Лингвистика и международная коммуникация». – Волгоград, 2004. – №1. – С. 29–34.
17. Современный толковый словарь русского языка / Гл. ред. С. А. Кузнецов. – М.: Ридерз Дайджест, 2004. – 960 с.
18. Степанов Ю. С. Константы: Словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. и доп. / Ю. С. Степанов – М.: Академический проспект, 2004. – 990 с.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4-х т. / Макс Фасмер. – М.: Прогресс, 1986–1987. – Т. 1. – 1987. – 832 с.
20. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 1.: Стихотворения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994. – 640 с.
21. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 2.: Стихотворения. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994. – 592 с.
22. Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. – Т. 3.: Поэмы. Драматические произведения / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994. – 816 с.
23. Юнг К. Г. Об архетипах коллективного бессознательного / К. Г. Юнг // Вопросы философии. – 1988. – № 1. – С. 131–138.

REFERENCES

1. Averintsev S. S. Voda / S. S. Averintsev // Mify narodov mira: enciclopediya v 2 t. / Sr. Ed. S. A. Tokarev. – М.: Sovetska-

- ya Enciclopediya publ., 1980. – vol. 1. – 240 p.
2. Alefirenko N. F. Lingvokulturologiya. Tsennostno-smyslovoe prostranstvo yazyka: textbook / N. F. Alefirenko. – M.: Flinta: Nauka publ., 2010. – 171–174 pp.
 3. Afanas'ev A. N. Mifologiya Rusi / A. N. Afanas'ev. – M.: Eksmo publ., 2006. – 608 p.
 4. Bolotnova N. S. Fiziologicheskii analiz teksta: textbook / N. S. Bolotnova. – 4th ed. – M.: Flinta: Nauka publ., 2009. – 520 p.
 5. Vinogradova L. N. Water / Vinogradova L. N. // Slavyanskie drevnosti: ethnolingvisticheskiy slovar' v 5 t. / Eds. N. I. Tolstoy. M.: "Mezhdunarodnye otnosheniya" publ., 1995. – Vol. 1. – p. 386.
 6. Dal V. I. Poslovitsy russkogo naroda: Collection: In 2 vols. / V. I. Dal. – M.: Khudozh. lit. publ., 1984. – Vol. 1. – 383 p.
 7. Dal V. I. Poslovitsy russkogo naroda: Collection: In 2 vols. / V. I. Dal. – M.: Khudozh. lit. publ., 1984. – Vol. 2. – 399 p.
 8. Efremova T. F. Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-obrazovatel'nyi / T. F. Efremova // Available at: <https://www.efremova.info/word/voda.html#.W1oJl9IzbIU> (01.03.2019).
 9. Ipanova O. I. Zhizn' / O. I. Ipanova // Antologiya kontseptov. / Editors V. I. Karasik, I. A. Sternin – Volgograd: Paradigma publ., 2005. – Vol. 2. – 356 p.
 10. Karasik V. I. Lingvokul'turnyi kontsept kak edinita issledovaniya / V. I. Karasik, G. G. Slyshkin // Metodologicheskie problemy kognitivnoi lingvistiki: collection of scientific papers. / Eds. I. A. Sternina – Voronezh: VGU, 2001. – 75–80 pp.
 11. Karasik V. I. Yazykovoii krug: lichnost', kontsepty, diskurs: monografiya / V. I. Karasik. – Volgograd: Peremena, 2002. – 477 p.
 12. Karaulov Yu. N. Russkiy yazyk I yazykovaya lichnost' / Yu. N. Karaulov – M.: Nauka, 1987. – 263 p.
 13. Makovsky M. M. Sravnitel'nyi slovar' mifologicheskoy simboliki v indoevropeskikh yazykakh: Obraz mira i miry obrazov / M. M. Makovsky – M.: Gumanit. izd. centr Vlasov, 1996. – 416 p.
 14. Popova Z. D. Kognitivnaya lingvistika / Z. D. Popova, I. A. Sternin. – M.: AST: Vostok-Zapad, 2007. – 227 p.
 15. Slyshkin G. G. Kontseptologicheskii analiz institutsional'nogo discursa / G. G. Slyshkin // Filologiya I kul'tura. – Volgograd, 2000. – 34–36 pp.
 16. Slyshkin G. G. Longvokul'turnyi kontsept kak sistemnoe obrazovanie / G. G. Slyshkin // Vestnik VGU, Series "Lingvistika i mezhdunarodnaya kommunikatsiya". – Volgograd, 2004. – №1. – 29–34 pp.
 17. Sovremenniyi tolkovyi slovar' russkogo yazyka / Ch. ed. S. A. Kuznetsov. – M.: Riderz Daidzhest, 2004. – 960 p.
 18. Stepanov Y. S. Konstanty: Slovar' russkoi kul'tury / Y. S. Stepanov – M.: Akademicheskii prospekt, 2004. – 990 p.
 19. Fasmer M. Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: in 4 volumes / M. Fasmer. – M.: Progress, 1986–1987. – Vol. 1. – 1987. – 832 p.
 20. Tsvetaeva M. Sobranie sochineniy: in 7 v. – Vol. 1.: Stikhotvoreniya / Comp., prep. text and comments. A. Saakyants and L. Mnukhina. – M.: Ellis Lak, 1994. – 640 p.
 21. Tsvetaeva M. Sobranie sochineniy: 7 v. – Vol. 2.: Stikhotvoreniya. Perevody / Comp., prep. text and comments. A. Saakyants and L. Mnukhina. – M.: Ellis Lak, 1994. – 592 p.
 22. Tsvetaeva M. Sobranie sochineniy: 7 v. – Vol. 3.: Stikhotvoreniya. Dramaticheskie proizvedeniya / Comp., prep. text and comments. A. Saakyants and L. Mnukhina. – M.: Ellis Lak, 1994. – 816 p.
 23. Yung K. G. Ob arkhetypah kollektivnogo bessoznatel'nogo / K. G. Yung // Voprosy filosofii. – 1998. – № 1. – 131–138 pp.

For the issue on the methodology of linguocultural concept analysis in a fiction text

M. I. Zhadlun

Abstract. The article presents the methods of analysis of the linguocultural concept in a poetic text. Applying this method to the description of the concept of “water” in the poetic texts of M. Tsvetaeva allowed to represent its structure, which includes such aspects of the concept as notional (mythological, folk, etymological and lexicographical concepts of water), axiological (the relevance of the M. Tsvetaeva's personality to the analyzed concept) and metaphoric (perceptive and figurative-metaphorical characteristics of water). Thus we traced its “way” from the Russian national culture to the individual consciousness of the author.

Keywords: concept, linguoculturological analysis, view of the world, concept “water”, M. Tsvetaeva.